

№ 8 (178)
август

2011

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

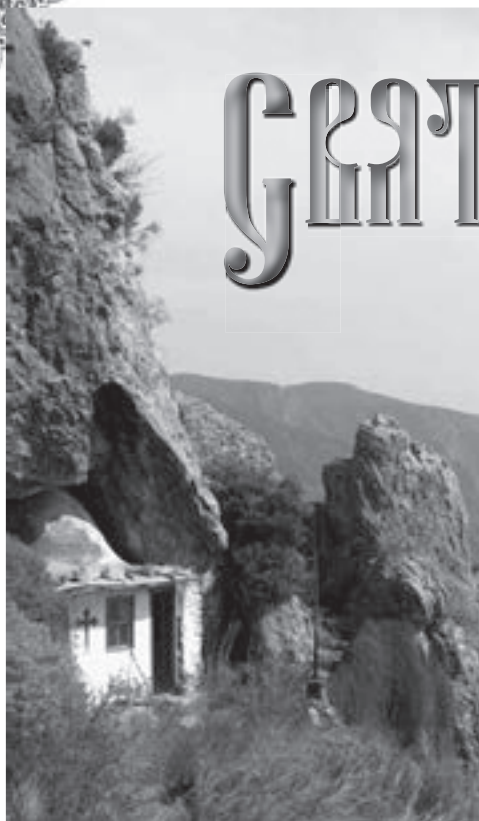
Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

ЯФОН

Гравюра XVIII века

СВЯТАЯ ГОРА АФОН

Колыбель монашества в российском понимании — Афон, гористый полуостров в Эгейском море. Русский человек всегда связывал с Афоном самое свое святое.

Святая Гора Афон — земной удел Пресвятой Богородицы, православная монашеская республика.

Афонский полуостров — восточный «палец» полуострова Халкидики, расположенного на северо-востоке Греции. Он протянулся примерно на 60 км на юго-восток. Ширина его в среднем по прямой колеблется от 10 до 14 км, однако горный рельеф делает извилистые дороги от одного побережья до другого значительно длиннее. На юго-восточной оконечности полуострова на 2033 м над уровнем моря возвышается сама гора Афон.

Монашеству на Афоне более 1000 лет.

Святая Гора Афон — это место непрестанной молитвы к Богу, место, освященное подвигами тысяч и тысяч монахов, на протяжении тысячелетия передававших своим последователям Православную веру в нетронутой чистоте и сохранивших ее таковой до сегодняшнего дня. Именно поэтому Святую Гору Афон называют оплотом Православия во всем мире.

ПРЕДАНИЯ О НАЧАЛЕ АФОНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ

О древнейшей истории христианства на Афоне повествуют устные афонские предания, дошедшие до настоящего времени в поздней книжной традиции XVII-XVIII вв.

Согласно сказанию, сохранившемуся у Стефана Святоторца и ставшему известным на Руси с 1-й четв. XVI в., вскоре после Вознесения Спасителя Афон удостоила посещением Пресвятая Богородица. Ее корабль, направлявшийся на Кипр, из-за морской бури причалил к афонскому берегу в так называемой Климентовой пристани. При появлении Богоматери языческие идолы громко призвали жителей встречать «Марию, великого Бога Иисуса Матерь». Возвестив афонцам о Христе, Богородица «возрадовасе духом, рече: Се в жребий мне бысть Сына и Бога моего» и, благословив народ, произнесла: «Божия благодать на место сие и на пребывающих в нем с верою и со страхом и с заповедями Сына моего; с малым попечением изобильно будет им вся на земли, и жизнь небесную получают, и не оскудеет милость Сына моего от места сего до скончания века, и аз буду тепла заступница к Сыну моему о месте сем и о пребывающих в нем».

История Афона. Ч. 2. С. 129-

131). Древнейшая редакция Жития прп. Петра Николая Синаита (кон. X-XI в.) не содержит этого сказания, но сообщает о явлении Богородицы прп. Петру. Повелев ему идти на Афон, Она предвозвестила: «Придет время, когда Афон наполнится монахами от края до края».

Большинство афонских монастырей возводят начало своей истории к первым векам христианства. Имп. Константин Великий († 337), по преданию, переселил на Пелопоннес прежних обитателей Афона — цакон и основал храм в честь Успения Божией Матери в Карее, а также Ватопедский и Кастамонитский (Констамонитский) монастыри. Название Каракальской обители дало повод считать ее основателем имп. Каракалу (III в.). Строительницей монастырей Эсфигмен и Ксиропотам считалась имп. св. Пульхерия.

Цикл преданий связан с Ватопедским монастырем. Согласно традиции, после того как он был построен при имп. Константине, монастырь был razoren Юлианом Отступником. Его возобновили с большой роскошью императоры Феодосий I Великий и его сын Аркадий в память о случившемся там чуде. Во время бури юный Аркадий был унесен с палубы корабля в открытое море, но когда сопровождавшие его причалили к афонскому берегу, они обнаружили в зарослях кустарника мирно

спящего царственного отрока, откуда и произошло название Ватопед. Согласно другой версии, приводимой Стефаном Святогорцем, чудесно спасся не сын, а племянник Феодосия I, «отрок Ватопеда». о древности Ватопедского собора могут свидетельствовать сохранившиеся 4 колонны из порфиристого гранита, а также священный колодезь в алтаре. Сохранился рассказ о посещении Ватопеда дочерью Феодосия I Галлой Пладицией († 450). Прибыв на Афон, она собиралась совершить поклонение в храме, но у входа в собор была остановлена гласом свыше: «Стой, не иди далее, да не пострадаешь зло». Императрица в слезах взмолилась о прощении ей греха дерзновения и построила придел во имя вмч. Димитрия.

КАК И КЕМ УПРАВЛЯЕТСЯ АФОН?

Особо почитается на Афоне Богородица, считающаяся единственной Владычицей Святой Горы.

Верховная власть на Афоне принадлежит Священному Киноту, который состоит из делегированных в него представителей 20 афонских монастырей. Исполнительную власть Афона представляет Священная Эпистасия. Священный Кинот и Священная Эпистасия располагаются в Кариесе (Карее) — столице монашеской республики.

Все 20 монастырей делятся на пять групп, в каждой группе по четыре монастыря. Каждый год одна из групп и составляет Священную Эпистасию. Представитель первого монастыря каждой группы является председателем Священной Эпистасии.

В первую группу входят Великая Лавра, Дохиар, Ксенофонт, Эсфигмен. Во вторую — Ватопед, Кутлумуш, Каракал, Ставроникита. В третью — Иверский, Пантократор, Филофей, Симонопетра. В четвертую — Хиландар, Ксиропотам, святого Павла, Григориат. В пятую — Дионисиат, Зограф, святого Пантелеимона, Костамонит.

Согласно Уставу Святой Афонской Горы, принятому в 1924 году, «все на Святой Горе обители... входят в духовную юрисдикцию Великой Христовой Восточной Православной Церкви, и не допускается поминовение иного имени, кроме имени Вселенского Патриарха».

Что касается самих монашеских обителей на Афоне, то, согласно Уставу, «священные монастыри являются самоуправляющимися. Они управляются согласно со своим внутренним канонизмом, который они принимают и который одобряет Священный Кинот».

Приходящим паломникам и туристам, независимо от вероисповедания, национальности и т. п. предоставляется место в гостинице (архондарике) и пища согласно монастырскому уставу. Прибывшим предлагается угощение — кофе, холодная вода в жаркое время года, сладости. Прием гостей осуществляется бесплатно, во славу Божию. Все паломники приглашаются на богослужения (в монастырях со строгим уставом неправославные могут посетить храм во внебо-

гослужбное время). Православные могут исповедаться и причаститься Святых Таин, поклониться святым мощам.

По святогорским правилам, каждый паломник может остановиться в любом монастыре на 1 ночь; более длительное пребывание в обители возможно по благословению ее игумена.

На Афоне издревле действует строгий аватон, запрещающий вход на полуостров не только женщинам, но и самкам животных (ст. 186 Устава). Лица, пытающиеся нарушить этот запрет, подвергаются тюремному заключению на срок от 2 месяцев до года. Также запрещено приближение к гаваням и причалам Афона судам, на борту которых находятся женщины.

СТАРЧЕСТВО

Древности до наших дней Святая Гора является священным местом безмолвия, тайнозрения, подвижничества, питающим и умиряющим подвижников благочестия. Здесь непрестанно совершаются высокие аскетические подвиги. На Афоне можно встретить реальное воплощение христианского идеала обожения, ибо святогорские иноки желают стяжать в этой жизни не столько знание о Боге, сколько знание Самого Бога. Среди знаменитых подвижников немало простых, малообразованных в мирском понимании людей, чистотой своей жизни стяжавших благодатные дары Святого Духа и достигших высокого духовного просветления и святости.

В кондаке службы афонским святым о подвижниках Святой Горы говорится: «Онебесившие Гору сию и показавшие в ней житие ангельское». За историю своего христианского существования Святая Афонская гора взрастила сонмы святых отцов, среди которых преподобные Петр и Афанасий Афонские, Савва и Симеон Сербские, Максим и Нифонт Кавсокаливиты, Нил Мироточивый, свт. Григорий Палама, прп. Максим Грек, сщмч. Косма Этолийский († 1779), прп. Никодим Святогорец, груз. аскет Иларион († 1864), старец Хаджи Георгий (1809-1886). Многие святогорские иноки-аскеты старались вести себя так, чтобы внешне ничем себя не выражать, не открывать миру своего духовного величия. Искусство смирения и мудрой простоты стоит у святогорцев очень высоко, поэтому большинство афонских святых остаются при жизни неизвестными. Даже прп. схим. Силуан (Антонов), один из величайших подвижников XIX-XX

вв., при жизни оставался малоизвестным, и только после кончины († 1938) его святость была общепризнана.

С древнейших времен Афон известен как место непрестанной молитвы за мир. «Мир стоит молитвою, а когда ослабеет молитва, тогда и мир погибнет», — говорил старец Силуан Афонский. Бесчисленны сонмы святых подвижников, прославивших Святую Гору своей ангелоподобной жизнью. Память всех преподобных и богоносных отцов, во Святой Горе Афонской просиявших, — в неделю 2-ю по Пятидесятнице.

С БОГОМ ЧЕЛОВЕКУ НЕ ВСЕГДА ЛЕГКО

Богом человеку не всегда легко. Так же и со святым жить не всегда легко. Многие наивно думают, что со святыми приятно и радостно; жалеют, что они окружены грешными, и мечтают встретить святого. Из отдельных встреч, которые исполняют нередко прежде печальную душу светлой надеждою и новыми силами, они готовы сделать заключение, что пребывание со святыми всегда так открывающе действует на душу. Это заблуждение. Никакой святой не может освободить от необходимости борьбы с живущим в нас грехом. Он может содействовать молитвою, помогать словом и поучением, укреплять своим примером, но освободить от труда и подвига он не может. И когда святой призывает и влечет нас жить по заповедям, тогда он может показаться «жестоким». Ведь сказали же некоторые, и до ныне говорят, о Самом Христе, что «жестоко слово Его; кто может Его слушать» (Иоан. 6, 60). Так и слово святых, когда они требуют от нас хранения заповедей в чистоте, становится непосильным и «жестоким».

Старец Силуан всегда был кроток, снисходителен, мягок, но по существу никогда не отступал от того, чему был научен Богом. Его подход был прост и ясен: «Господу всех жалко... Он так возлюбил людей, что взял на Себя тяготу всего мира... И от нас Он хочет, чтобы мы любили брата». Когда слушаешь Старца, то всею душою сознаешь, что он говорит истину, но следовать за ним непосильно тяжело. И многие отходили от него. Его духовное благоухание порождало в душе глубокий стыд за себя, и чувство собственного зловония и гадости.

Жить по слову Старца — значит предать себя на мучение не только в исключительном смысле этого слова, но и в повседневности.

Старец не искал мученичества, хотя и познал «мученическую» благодать. Однако, жизнь его была подлинным мученичеством. Возможно сказать даже большее. Мученик иногда за короткий период своего мужественного исповедания платится жизнью. Но десятилетиями подвизаться, как подвизался Старец, и десятилетиями молиться за мир, как он молился, — «молиться за людей — это кровь проливать», — выше простого мученичества.

Путь христианина вообще есть мученичество; и кто проходит его должным образом, с трудом решается на

проповедь. Душа его полна желания видеть брата своего причастным вечного света, но страдания хочет понести лишь он сам, и потому прежде всего и больше всего обращается он к молитве за мир.

В пределах земной жизни, в этой сфере, предоставленной Богом для выявления не только положительных, но и отрицательных возможностей свободы, никто и ничто не может совершенно остановить проявлений зла; однако, молитва любви сильна весьма многое изменить в ходе событий и сократить размеры зла.

«Жизнь есть свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоан. 1; 4-5). Тьма небытия не может поглотить свет жизни. Все благое, что исходит от Бога и возвращается к Богу, — не уничтожило. Молитва есть одна из высочайших форм благого бытия, неуничтожимого, вечного. Это та «благая часть, которая не отымается» никогда (Лк. 10, 42).

В искании спасения, своего и ближних, подвижник, сосредоточенный на своем внутреннем человеке, в самом себе видит силу «закона греховного» (Римл. 7, 23). Видя, как грех убивает, умерщвляет его (Римл. 7, 11) при всем напряжении делать добро, он нередко доходит почти до отчаяния и в этом тягостном состоянии молится.

Помним замечательное посещение. К нам пришел один монах-пустынный. Ему тогда было около семидесяти лет. Жил он в глухом месте, лежащем на пути от Монастыря к Скиту, в овраге, у потока воды, среди леса. Измученное, покрытое морщинами, бледное, давно неумытое, сероватого цвета лицо; неопрятные, седые, темно-серые волосы на голове и бороде; ввалившиеся серо-голубые глаза. Мы долго беседовали. Он рассказал о себе следующее:

«Много лет болит душа моя от мысли, что вот мы, монахи, отреклись от мира, покинули и родных, и родину, оставили все, что составляет обычно жизнь людей; дали обеты пред Богом, и святыми ангелами, и людьми жить по закону Христа; отказались от своей воли и проводим, в сущности, мучительную жизнь, и все же не преуспеваем в добре. Много ли из нас спасающихся? Я первый погибаю. Вижу и других, что страсти обладают ими. А когда встречаю мирских, то вижу, что живут они в великом невежестве, нерадиво и не каются. И вот понемногу, незаметно для себя, я втянулся в молитву за мир. Я много плакал от мысли, что если мы — монахи, отрекшиеся от мира, не спасаемся, то что же вообще творится в мире? Так постепенно скорбь моя росла, и я стал плакать уже слезами отчаяния. И вот, в прошлом году, когда я так в отчаянии, усталый от плача, ночью лежал на полу, явился Господь и спросил меня: «Ты почему так плачешь?»... Я молчу... «Разве ты не знаешь, что Я буду судить мир?»... Я опять молчу... Господь говорит: «Я помилую всякого человека, который хотя бы однажды в жизни призвал Бога»... Во мне пробежала мысль: «Тогда зачем мы так мучаемся на всякий день?» Господь на движение моей мысли отвечает: «Те, что страдают за заповедь Мою, в Царствии Небесном будут Моими друзьями, а остальных я только помилую». И отошел Господь».

Мы слушали его без малейшего проявления своего отношения к рассказанному им, следуя суровому правилу Афонских отцов — быть особенно осторожным, когда речь идет о видениях.

За время нашего общения с монахами Святой Горы, мы встретили девять человек, которые любили молиться за мир, и молились с плачем. Однажды мы слышали беседу двух монахов. Один из них сказал:

— Не могу понять, почему Господь не дает мир миру, если Его умоляет в том хотя бы один человек?
Другой на это ответил:

— И как возможен полный мир на земле, если остается хотя бы только один человек с злыми волей?

По страницам книги «Старец Силуан Афонский»

Ответ на этот вопрос превосходит человеческие пределы и критерии понимания. Это не просто добродетель, что лежала бы в сфере человеческих понятий, но нечто сверхъестественное, что можно описать только тому, кто просвещен сиянием благодати Божией.

Смирение есть образ и подобие свойств Божественных и справедливо было названо теми, кто достиг обожения, «облачением и одеянием Божества». Смирение — основа неподвижности в страстях, печать совершенства, состояние неизменяемости человека, и многое другое, свойственное Божественному всеовершенство.

Со всем, в чем проявляется Божественное величие, рядом благоухает смирение, почему и сказано справедливо, что «Бог смиренным дает благодать» (Иак. 4:6). С пришествием же проклятия эгоизма и проказы высокоумия — болезней сатаны, погубительных для него самого, — естество человека было поражено. Следовательно, не зря Бог гордым противится.

Всем свойствам Вседержителя-Бога присуще и сопутствует смирение, им же запечатлеваются закон и причина неизменности и полноты Божественной воли и всепасающего Промысла. Доказательством полноты этого свойства Бога служат Его собственные слова, что Бог «кроток и смирен сердцем». Но если Сам Бог признается, что Он смирен сердцем, не означает ли тогда это, что смирение может быть свойством всякой разумной личности и, следовательно, не чуждо и нашему естеству, но есть суть и состояние жизни?

Кто-нибудь может смиренно подумать, что если извращение погубило и уничтожило чудную и пресветлую ангельскую красоту и достоинство, не значит ли то, что

СТАРЕЦ
ИОСИФ
ВАТОПЕДСКИЙ

ЧТО ТАКОЕ СМИРЕНИЕ?

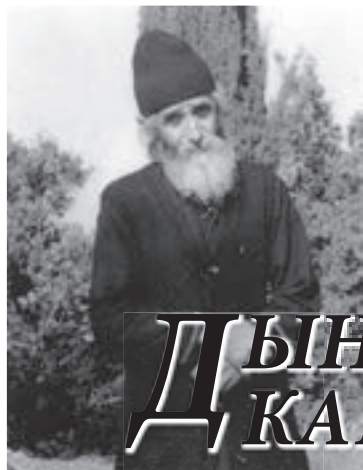
смирение — это не просто какая-то внешняя форма и приспособление, а свойство и сущность человека?

Вот, где решается вопрос о том, почему человек отступил от Бога и пал. Корень и начало любого падения или согрешения — отсутствие смиренномудрия. Последствия отказа от смиренномудрия, которое есть вместилище Бога и воли Его, — корыстолюбие, своеобразие, самодовольство, непослушание, анархия и тому подобные проявления эгоцентризма.

Если нам открыто, что по природе Своей Бог смирен, тогда уже нет места вопросам, почему смирение необходимо для того, чтобы исцелить и привести в равновесие развращенный мир.

Тем, кто ощущает собственное бессилие и испытывает неудачи, я посоветовал бы как можно скорее прибегнуть к смиренномудрию, как в мыслях, так и в поступках, и тогда мы вернем себе все, что потеряли и не будем блуждать в море абстрактных и сатанинских учений, рождающих смерть.

Из «Афонских бесед»

СТАРЕЦ
ПАИСИЙ
СВЯТОГОРЕЦ

Притча о
рассудительности

ДЫНЯ И КАБАЧОК

Роккупацию мы посадили пять гектаров дынь разных сортов: американский сорт из сельскохозяйственной школы — белые дыни во-от такие здоровые и очень сладкие, а также «аргские» дыни местного сорта и другие.

Если случалось, что рядом с американскими дынями росли кабачки, то сладость из дыни уходила в кабачок.

Кабачок становился слаще, а дыня безвкусней. Такое

происходит от опыления, от пчел, которые перелетают с цветка на цветок.

Если увидишь дыню с большим «пупком», то знай, что она выросла рядом с кабачками.

Если «аргская» дыня будет расти рядом с хорошей дыней, то она заберет у хорошей сладость. Хорошая дыня сладость потеряет, но, по крайней мере, в этом случае она тоже пойдет в дыню. Но если рядом с хорошей дыней окажется кабачок, то он станет слаще, и потом при его готовке понадобится целая пригоршня соли.

И дыня теряет, и кабачку это не на пользу.

Если же дыня рядом с дыней, то хорошая теряет, но другая становится слаще.

Я хочу сказать, что если христианин, не очень преуспевающий духовно, будет находиться возле духовно преуспевающего человека, то последний может утомиться, может немного повредиться, но зато первый получит пользу.

Если же близ человека духовного будет человек мирской, неверующий, то и труд и время первого будут потрачены зря. Если человека мирского тронет что-то из сказанного другим, то это будет самое большее из того, что возможно. Но истолкует он сказанное в понятиях [своей] мирской философии, то есть воспримет это духом мирским, и пользы не получит. То есть останется он кабачком, хотя и станет послаще на вкус.

www.afonnews.ru

СВЯТЫНИ АФОНА

ВРАТАРНИЦА АФОНА

При входе в Иверскую обитель на левой стороне находится небольшая привратная церковь, в которой пребывает чудотворная икона «Портаитисса» (Вратарница), называемая также «Иверской». С Иверским монастырем связаны самые замечательные предания. Одно из них гласит, что Богородица, посетив Святую Гору, пристала в Климентовой бухте, близ Иверона, где ныне сооружена часовня. А девять столетий спустя иноки-грузины из Иверской обители увидели в огненном столпе, поднимающемся от моря, икону Божией Матери, которая чудесным образом пришла на Афон по морю и была названа «Иверская». Ее поместили над воротами обители Иверской. Однажды монахи решили поместить эту икону в храм для лучшей сохранности. Но икона трижды оказывалась вновь на прежнем месте. И, явившись ночью настоятелю, Божия Матерь сказала ему: «Не надо Меня беречь, Я вас буду оберегать». Монастырские ворота — это то, что соединяет обитель с миром. Божия Матерь, с одной стороны, хранит Свои обители от пагубных влияний мира сего, а с другой — устремляет в мир благодатное влияние обители. Преподобный Нил Мироточивый предвидел особое значение для иноков Афона в присутствии на Святой Горе иконы «Иверской» Божией Матери. «Пока Моя икона в сей обители, благодать и милость Сына Моего к вам не оскудеет, — открыла ему Сама Царица Небесная. — Когда Я уйду из обители, тогда пусть каждый берет свои вещи и уходит куда знает, не забывая о своих монашеских обетах». Афонские иноки верят, что в последние времена

ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ АФОНА

икона покинет монастырь, после чего и монахи должны будут уйти отсюда.

СЛАДКОЕ ЛОБЗАНИЕ (ГЛИКОФИЛУССА)

Именуется так потому, что Богородица изображена на ней лобзающей младенца Христа, принадлежит,

по преданию, к одной из 70 икон, писанных евангелистом Лукой. Находится в Филофеевском монастыре на Афоне.

Икона прославилась во времена иконоборства. Она принадлежала благочестивой женщине Виктории, жене некоего Симеона Патрикия. Виктория, с опасностью для жизни, чтит и хранила ее у себя в комнате. Муж потребовал, чтобы она сожгла икону, но Виктория предпочла лучше пустить ее в море — и пустила. Икона явилась на берегу пред Филофеевским монастырем. Игумен и братия внесли ее в соборный храм. С тех пор и донныне в понедельник Пасхи совершается из монастыря крестный ход на место явления иконы. Чудеса и поныне совершаются от сей иконы.

ОТРАДА (УТЕШЕНИЕ)

Фреска XIV века, находится Ватопедском монастыре. Согласно преданию монастыря, некий игумен однажды услышал голос от иконы «Сегодня не открывайте ворота монастыря, вместо этого поднимитесь на стены и прогоните их». По-

вернувшись, игумен увидел, как младенец закрывал ладошкой уста Богородицы, говоря: «Не надо беспокоиться об этом грешном стаде, оставь их. Они погибнут от меча пиратов, ибо умножились беззакония в этом монастыре».

Однако Богородица для того чтобы повторить свое предупреждение, слегка отодвинула руку Богомладенца, чтобы освободить свои уста, и в этом движении икона пребывает до сего дня. Афонские монахи

сразу же побежали на стены и увидели, что их монастырь окружен пиратами. В благодарность за спасение каждую пятницу перед иконой совершается Божественная Литургия.

«ДОСТОЙНО ЕСТЬ» («МИЛЮЩАЯ»)

Икона пребывает в административном центре Афона, носящем имя Карея. Как явствует из самого ее названия, история этой иконы связана с православным песнопением «Достойно есть». В X столетии в пещере неподалеку от Кареей подвизались некий старец-священноинок с послушником. Однажды под воскресенье, 11 июня 982 года, старец отправился в монастырь на всенощное бдение, послушник же остался дома. Поздно ночью в келью постучался

неизвестный инок. Послушник этому не удивился — обителей на Афоне много, многие отшельники живут и в горах, порою спускаясь к своим собратьям.

Поклонился послушник незнакомцу, дал испить воды с дороги, предложил отдохнуть в келье. Вместе с гостем они стали петь псалмы и молитвы. Однако во время пения слов «Честнейшую Херувим» таинственный гость неожиданно заметил, что в их местах эту песнь поют по-иному, добавляя перед «Честнейшую» слова «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную, и Матерь Бога нашего». И когда инок начал петь эти слова, то икона Божией Матери «Милующая», стоявшая в келье, внезапно воссияла таинственным светом, а послушник ощутил вдруг особую радость и зарыдал от умиления.

Он попросил гостя записать дивные слова, и тот начертал их перстом на каменной плите, умягчившейся под его рукой, словно воск. После этого гость, назвавший себя смиренным Гавриилом, сделался невидимым, а икона еще некоторое время продолжала излучать чудесный свет. Потрясенный, послушник дождался старца, поведал ему о таинственном незнакомце и показал каменную плиту со словами молитвы. Духовно опытный старец сразу же понял, что приходил в келию архангел Гавриил, посланный на землю, дабы возвестить христианам дивную песнь во имя Божией Матери — еще одну в чреде тех, что люди узнавали от ангелов («Слава в Вышних Богу», «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», Трисвятое «Святой Божий, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас»).

С тех пор ангельская песнь «Достойно есть...» поется во время каждой Божественной литургии по всему миру — везде, где есть хотя бы один православный престол или живет хотя бы один православный христианин. Старец и послушник рассказали о случившемся проту. Тот благословил собрать Собор старцев, на котором было поведено о чудесном вестнике и его словах. Здесь же, на Соборе, вознесли молитву Богородице «Достойно есть...», камень же с начертанными на нем словами отправили в Константинополь патриарху как свидетельство чуда. А икона, перед которой впервые на земле была воспетая молитва, с тех пор и стала называться «Достойно есть». Вскоре икону с почетом перенесли в соборный храм Карей, где она стоит и донныне.

Неподалеку от Карей, на восточном скате Святой Горы близ Эгейского моря, расположен русский Андреевский скит, а близ него — и тот узкий овражек

со стремительным потоком воды, возле которого стояла та келия, куда снизошел небесный вестник.

Более тысячи лет минуло с тех пор. За это время икона всего четыре раза покидала Афон, чтобы утешить, поддержать, вразумить тех православных, у которых нет возможности прийти к ней самим.

Празднование этой чудотворной иконы совершается 11 июня по христианскому летоисчислению — в тот самый день, когда посетил афонских иноков небесный гость.

ВСЕЦАРИЦА ИЛИ ПАНТАНАССА

Чудотворная икона «Всецарица» находится возле восточной колонны соборного храма Ватопедской обители. Написана в 17-м веке и явилась благословением известного на Афоне старца Иосифа Исихаста своим ученикам. Сохранился рассказ приснопамятного старца об этой иконе. В XVII веке перед иконой Божьей Матери «Всецарица» появился странный человек. Он стоял, что-то невнятно бормоча. И вдруг лицо Богородицы блеснуло, подобно молнии, и какая-то невидимая сила бросила молодого человека на

землю. Только он пришел в себя, как сразу отправился исповедоваться отцам со слезами на глазах, что он жил далеко от Бога, занимался магией и пришел в монастырь, чтобы проверить свою силу на святых иконах. Чудотворное вмешательство Богородицы убедило молодого человека изменить свою жизнь и стать благочестивым. Он исцелился от душевного недуга и после этого остался на Афоне. Так эта икона впервые проявила свою чудотворную силу на человеке, одержимом бесами (занятия оккультизмом всегда приводят к

одержимости). Позже стали замечать, что эта икона оказывает благотворное влияние и на больных с различными злокачественными опухолями. В XVII веке она впервые была списана греческим монахом и постепенно стала известна во всем мире как исцелительница раковых заболеваний. Само имя иконы — Все-госпожа, Все-повелительница — говорит о ее особой,

всеобъемлющей силе. Впервые явив свою чудотворную силу против волшебных чар — а ведь волхование, увлечение магией и прочими оккультными «науками» распространилось по Христианскому миру подобно раковой опухоли, — Всецарица имеет благодать исцелять страшнейшую из болезней современного человечества.

МОНАХ СИМЕОН АФОНСКИЙ

Притчи для детей

Золотая пуговица

О ДОБРЫХ ДЕЛАХ И ПУГОВИЦЕ

Жил один человек и жил он не очень хорошо — путано. Решил Взяться за ум, делать добрые дела, спасти душу. Делал их, делал, а особенного изменения в себе к лучшему не замечал. Как-то он шел по улице, видит — у одной старушки пуговица с пальто оборвалась и упала на землю. Увидел и думает: «Да чего там! Пуговиц у нее еще хватит. Не поднимать же! Ерунда какая!» Но все-таки, кряхтя, поднял пуговицу, догнал старушку, отдал ей пуговицу и забыл об этом.

Потом он умер, и видит: весы — слева его зло лежит, тянет вниз, а справа ничего нет, пусто! И зло перетягивает. — «Эх, — говорит себе человек, — и здесь не повезло!» Смотрит, Ангелы пуговицу кладут... И чаша с добрыми делами перевесила. — «Неужели одна эта пуговица все мои злые дела перетянула?» — Удивился человек. — Сколько добрых дел я сделал, а их и не видно!»

И услышал, как Ангел говорит ему: «Из-за того, что ты гордился своими добрыми делами, они и пропали! А вот именно этой пуговицы, о которой ты забыл, хватило, чтобы ты от гибели спасся!»

Добрые дела не в добрых делах живут, а в добром сердце:

В духовной жизни — нет мелочей,

А в Царстве Божиим — богачей.

МАЛЬЧИК И ОЧКИ

Мальчик, проходя по улице к своему дому, никогда не приветствовал соседей. Соседи рассказали родителям, что их сын ведет себя невежливо. Отец взялся журить сына. Тот слушал отца, опустив голову.

Затем мальчик обратился к отцу: «Папа, купи мне, пожалуйста, черные очки!» — «Зачем, сынок?» — Спросил удивленно отец. — «Теперь мне очень стыдно будет смотреть людям в глаза, потому что они сказали тебе, что я плохо себя веду!»

— «Эх, сынок, ты лучше постарайся исправиться и тогда тебе не понадобится прятать свои глаза от людей!» — улыбнулся отец.

Тот, кто думает, что он всегда прав, а другие люди не правы, тот всегда далек от Бога:

Исправляться — стремись,

А оправываться — стыдись.

ДЕВУШКА И МАЧЕХА

Родной бедной семье жила девочка. Ее мама рано умерла, а отец женился на другой женщине. Мачеха возненавидела это дитя, которое только теперь узнало, что такое настоящее горе. Но все люди говорили, что эта девочка — самая добрая, самая красивая в их стране.

Когда она подросла, по всей окрестности разнеслась слава о ее красоте и доброте. Мачеха вознамерилась выдать ее замуж за самого последнего оборванца из ненависти и ревности к ней. — «Как только такой оборванец постучится в дверь, я отдам эту негодницу ему в жены!» — Объявила мачеха во всеуслышание.

До принца донеслась весть об этой удивительной девушке и ее несчаст-

ной судьбе. Он переоделся в нищего оборванца, разыскал дом, где жила эта девушка, и постучался к ним в дверь. Дверь отворила мачеха. Увидев грязного нищего, она злобно расхохоталась: «Вот, и жених для нашей невесты!»

Мачеха вытолкнула девушку из дома в руки принца, который забрал ее во дворец. Они поженились и жили очень счастливо.

Для доброй души и несчастье — добро; а для недоброй души и добро — несчастье:

Кто изведал несчастье,

Тому и простая жизнь — счастье.

МАЛЬЧИК И ЕВАНГЕЛИЕ

Один мальчик слушал в церкви чтение Евангелия и запомнил слова: «Стучите и отворят вам». Придя домой, он захотел поесть и, лежа на диване, принялся стучать по нему кулаком и говорить громким голосом: «Отвори! Отвори!» Дверь в его комнату отворилась и вошла бабушка: «Зачем ты стучишь, внучек?» — Спросила она. — «Чтобы ты отворила дверь, бабушка, и принесла мне поесть! Ведь так сегодня читали в церкви: «Стучите и отворят вам?»»

— «Ох, мое дитя! — покачала головой бабушка. — Сначала нужно найти эту дверь, в которую нужно постучать! А эту дверь не найти, лежа на диване!»

Господь живет в каждом сердце, но сердце не живет в Господе и оно приводится к Богу усилием:

Поиски счастья — дело известное:

Или диван, или Царство Небесное.

О РУЧЕЙКЕ

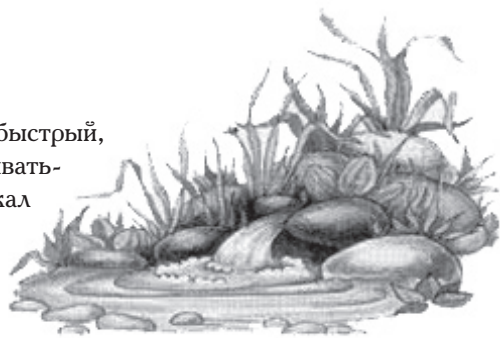
Бежал по лесу ручеек, сам собою любовался: ловкий, проворный, быстрый, чистый и прозрачный! Ни с каким другим ручейком не хотел сливаться, считал себя сильным и сам хотел бежать по лесу. Вдруг выбежал в поле, а там ослабел, силенок не хватило, растекся и пропал.

Кое-как, по каким-то подземным ходам, весь грязный, добрался он до реки и начал ей жаловаться: «Если бы не это противное поле, то я бы и сам давно стал рекой!» — Услышав это, река всплеснула волнами: «Эх, ты, глупый ручеек! Поле совсем не виновато в том, что ты растекся, ушел в землю и стал таким грязным! У того, кто отталкивает других, стать рекой — сил не хватит...»

Чем больше ценишь самого себя, тем больше себя теряешь:

Живи, не гордясь —

Не упадешь в грязь.

МАЛЬЧИК И БАБУШКА

Родители пообещали малышу взять его в дальнюю поездку. Внук спрашивает у бабушки: «Бабуля, а ты со мной поедешь?» — «Внучек, мне ехать с тобой не на что, денежек у меня нет». — Шутя ответила она.

Мальш задумывается, потом говорит: «Бабушка, я дам тебе одну свою денежку, и ты сможешь поехать со мной!» — «Нет, мой хороший! Одной денежки мне не хватит»

Мальчик снова задумывается и с грустью говорит ей: «Ничего, я буду о тебе помнить и любить тебя, ты только не скучай!» Но было видно, что какая-то мысль не дает мальчику покоя. Спустя некоторое время он подбежал к бабушке и радостно обнял ее: «Хорошо, моя любимая бабушка! Я отдам тебе свою последнюю денежку, чтобы ты поехала со мной!»

Настоящая Любовь начинается тогда, когда ради нее отдашь все, что имеешь:

Отдашь себя настоящей Любви,

И все Небеса — твои.

Имя Бориса Константиновича Зайцева (1881-1972) — видного прозаика начала XX века и одного из крупнейших писателей русского зарубежья, наряду с И.Шмелевым справедливо считающегося основоположником новой религиозной прозы в эмиграции. Ныне мы представляем отрывок из его книги путевых очерков «Афон».

БОРИС ЗАЙЦЕВ

АФОН

Я провел на Афоне семнадцать незабываемых дней. Живя в монастырях, странствуя по полуострову на муле, пешком, плывя вдоль берегов его на лодке, читая о нем книги, я старался все, что мог, вобрать. Ученого, философского или богословского в моем писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником. И только.

Афон предстал мне в своем вековом и благосклонном величии. Тысячелетнее монашеское царство! Афон — сила, и сила охранительная, смысл его есть «пробывание», а не движение. Афон созерцает. Он полон христианского благоухания.

Афон очень уединен и мало занят внешним. Это как бы остров молитвы. Афонцы мало знают о пестрых делах «мира» и судят о них не всегда удачно. Но они не устают молиться о мире, как молятся и о себе. Они, сравнительно, не много занимаются наукой, философией, богословием. Зато непрерывно служат Богу — в церкви, в келии. Это придает им особый оттенок. «Мир» справедливо полагают они грешным, но я не замечал у них гордыни или высокомерия к нему. Напротив, сочувствие, желание оказать помощь. Простота и доброта, а не сумрачное отчуждение, — вот стиль афонский, и недаром тысячи паломников («поклонников») перебивали в этих приветливых местах.

Париж, 1 февраля 1928.

СВЯТЫЕ АФОНА

Останавливаюсь здесь, очень быстро, лишь на трех фигурах, представляющих мне особенно яркими и как бы олицетворяющими различные типы афонского святого: отшельника, деятеля и поэта. Но Афонский Патерик включает много имен. О святых Афона можно было бы написать целую книгу, равно как и о мучениках афонских. Последнее особенно интересно и требует тоже отдельного исследования. Ограничиваюсь краткими замечаниями. Мученичество на Афоне связано 1) с «нашествием папистов» в XIII веке (26 мучеников зографских, заживо сожженных «латинянами» в пирге, ватопедские мученики, и мн. др.); 2) с владычеством турок. Уже в начале XVI века встречаются мученики «от турок» (преподобномученик Макарий Иаков). Особенный тип мученичества развивается в начале XIX века. Известен ряд случаев, где молодые греки и болгары обращались в магометанство, а потом под влиянием афонских старцев (в частности, монаха Григория, подготовлявшего их) принимали мученичество за возвращение к христианству. После длительной подготовки у Григория они являлись к визирю или судье с крестом, пальмовой ветвью, и объявляли себя вновь христианами, нередко нанося оскорбление властям, чтобы вернее заслужить кару. Их казнили. По афонскому учению того времени, такое мученичество являлось единственным способом для отпавшего спасти свою душу.

ПУСТЫННИК

Вспоминая удивительный мир Афона, сейчас же видишь не раз встречавшийся там на иконах облик: совершенно нагого старца с длиннейшей седой бородою. Она закрывает все его тело, спускается до земли — св. Петр Афонский.

Св. Петр жил или в восьмом, или в девятом веке, никто точно не знает, да и не столь важно знать: на двести лет раньше или позже, значения не имеет. Все равно, в той дали и легендарности, откуда встает он, не различишь исторического, не услышишь земного голоса, не увидишь человеческого лица, как и земного пейзажа. Змии, львы, слоны, древо познания добра и зла, нагой Адам, нагая Ева — вот существа первого действия человеческой трагедии. Вся эта обстановка — за исключением Евы — может быть отнесена и к нашему пустынною.

Св. Петр Афонский тем и сходен с Праотцем, что повит волшебными туманами. В нем есть за-человеческое, до-человеческое.

Забудешь, что он был схолярием (ученым) в Константинополе, что попал в плен, жил в темнице, побывал в Риме у папы. Все это как бы отпадает. Св. Петр начинается лишь на Афоне, в той пещере, вблизи моря на южной оконечности горы, которая видна с дороги из Кирашей в Лавру. Те же змии, горы, камни пустыни, рокот моря... Человека вокруг нет и не было. Св. Петр — безмолвник. Его разговор — только с Богом, морем, звездами. Он — первый в длинном ряду пустынною и созерцателей

*Исихазм (от греч. *hesychia* — безмолвие) — древнее понятие Восточной Церкви, обозначающее подвиг, связанный с отшельничеством и молчанием. Исихастами назывались монахи, посвятившие себя абсолютной тиши, священной покою, внутреннему духовному сосредоточению и непрерывной «умной» молитве, что приводило их к состоянию неизъяснимого блаженства и лицезрению небесного света. Истоки исихазма восходят к Святым Отцам III-VI веков (Антонию Великому, Макарию Великому, Иоанну Лествичнику), а основоположником его считается Симеон Новый Богослов (XI век), развивший учение о Богосозерцании.

Основоположником исихазма на Афоне был преп. Петр Афонский.

Афона, глава целого племени «исихастов*», как бы воплощение типа молчаливиков.

Около пещеры, где он жил, откуда видно море, скалы, да великая гора Афон, теперь стоит часовня и живут два иеромонаха. Но в самой пещере жить не дозволяется: слишком холодно зимой, у «ревнующих» подражать святому не хватает сил, и они гибнут.

А св. Петр жил. Чем он питался? В житии упоминаются «коренья и пустынное зелие». Последнее не удивит того, кто на Афоне побывал: если сейчас еще есть наши, русские пустынники, питающиеся лишь «камарней» (ягоды на растении, напоминающем лавр), да фигами, при этом живущие до глубокой старости, то что удивительного, что так же жил и св. Петр?

Это была жизнь классического пустытника Фиваиды. Безмолвие и одиночество, пещера, полная демонов, сражения с ними и победа, молитва... Так прожито пятьдесят три года!

Удивителен рассказ о том, как люди нашли святого. «Ловец» охотился недалеко от его пещеры, преследуя очень красивую лань. Она все ускользала. Наконец, вскочила в отверстие пещеры. «Ловец» готов был уже «бросить стрелу», как вдруг увидел старца с бесконечной бородой, волосами до пояса, седого, прикрытого, кроме бороды, лишь несколькими «травными листьями». Ловец так испугался, что бросился бежать, отшельник необыкновенным своим видом представился ему как некое «мечтание». Тогда св. Петр окликнул его и стал убеждать, что он не «мечтание», а настоящий живой человек, такой же, как и сам охотник.

Лани уже не было. И успокоенный ловец сидел со старцем на пороге его обиталища и от него самого выслушал рассказ о полувеке жизни вблизи моря, среди скал и зарослей, под защитой высокогорного Афона.

По житию, ловец пленился повестью, сам сделался отшельником, святой же вскоре умер.

Все это было так давно! Никто не знал о нем при жизни, кроме ящериц пещеры да орлов афонских.

А смерть вознесла к бессмертию.

СТРОИТЕЛЬ

Со св. Афанасием мы уже на земле, «в истории» (Св. Афанасий Афонский (в миру Авраамий) скончался в 980 году. Память его празднуется 5 июля). В юности он пытался уходить от мира и жить пустынно. Под видом безграмотного Варнавы, явившись на Афон, укрывался вблизи обители Зиг, где старец-отшельник учил его грамоте (святой делал вид, что не умеет писать). Но посланные его друга по Константинополю, полководца Никифора Фоки, отыскали его. Он удалился в пустынную местность Мелана, там поставил себе каливу и целый год боролся с чувством отвращения к этому месту. Он умел сражаться с самим собою! И знал, что такое аскеза. Еще когда жил в столице, в доме военачальника Зефиназера, уговорил прислужников продавать дорогие блюда и яства и покупать ему ячменный хлеб — ел его через день. Еще тогда приучал спать не лежа, а сидя на стуле. И когда уставал на молитве, то брал таз с водою, клал туда снегу, и ледяною влагой обтирал лицо.

Но жизнь безмолвника не была ему дана. Его на-

значение оказалось иное.

Св. Афанасий жил позже св. Петра — в десятом веке. Афон в то время уже был пристанищем одних пустынников. Стали являться и монастыри. Их созидателем, вечно в кипении, борьбе, деятельности и оказался св. Афанасий — как бы Петр Великий Афона.

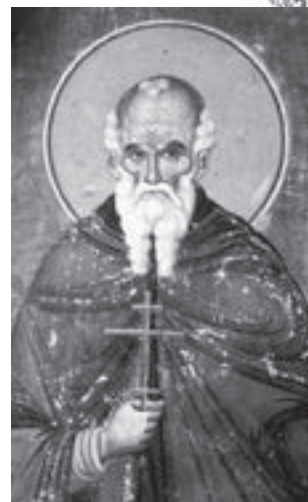
Он был гигант, исполинской силы. Знаменитую Лавру, и ныне вздымающуюся соборами, стенами и башнями, строил собственноручно. Средства давал ему Никифор Фока, вначале — полководец, затем — император. Позднее — Иоанн Цимисхий. Святой возводил храмы, стены и башни. Когда он велел рыть землю для фундамента церкви в честь Пресвятой Девы, дьявол, «бессильный доброненавистник, демонскими своими действиями ослабил руки строителей так, что они не могли коснуться даже уст своих». Св. Афанасий помолился, взял сам лопату, начал рыть и «к большой досаде демона» разрешил руки рабочим. Всегда с лопатой, топором, а то и просто с исполинскою своею силой! Не раз случалось, что с одной стороны груз волокли трое, а с другой становился Афанасий и трое едва успевали за ним. Или: везут тяжесть на паре волов. Один из них падает, захромав. Святой велит отперчь его и сам впрягается.

Вот видим мы его на постройке лаврской пристани («арсаны»). Эта пристань и сейчас существует, я сам отплывал от нее под парусом, сидел в тени средневековой башни, дожидаясь лодочника-албанца.

«Когда в пристань спускали одно огромное дерево, спускавшим оное, по своему обыкновению, помогал и святой: он влек дерево с нижней части, а мастера были сверху и осторожно спускали оное по скату горы. В это время действием демона дерево стремительно двинулось книзу и, сдавив ногу святого, сокрушило ее в голени и лодыжке. От этого преподобный три года пролежал в постели и едва выносил страдания».

Но уж такова была жизнь его — в ней мало найдется тишины и созерцания. Построил пристань, надо заняться водопроводом. В семидесяти стадиях от обители он находит родники отличной воды. Их приходится разрывать, пробивать гигантские утесы, прокладывать трубы, соединять воду отдельных источников и вести общий поток в Лавру. Надо строить келии для братии, трапезу со столами из цельных плит мрамора, больницу, странноприимный дом. Первую на Афоне баню. А там хозяйство — он заводит множество скота, насаждает виноградник, огороды, управляет подаренным Лавре метохом (имением). Лавра св. Афанасия дала тип и облик всему афонскому монашеству.

Святой был властен, не потакал слабостям (и поныне сохранился его железный посох). От монахов требовал исполнительности и повиновения. Во время церковной службы один из братии обходил присутствующих и

будил уснувших. Другой наблюдал, кто когда приходит в церковь. Поздно пришедшие должны были давать отчет. Строгая тишина во время трапезы. После повечерия не дозволялось никаких бесед, и запрещалось также говорить «холодные слова мое, твое». В Лавре был создан знаменитый «афонский устав» X века (Написан Св. Афанасием в виде завещания. Монашество существовало на Афоне задолго до X века. Св. Афанасий, придя на Св. Гору, нашел здесь уже как письменные, так и устные уставы, которые он передал основанной им Лавре), послуживший образцом и для афонских монастырей, и впоследствии «частик» для русских.

К борьбе со скалами, природой, демонами прибавлялась и борьба с людьми. У святого оказалось множество врагов. Его, не знавшего ни усталости, ни минутного покоя, все могучие силы отдавшего творчеству, изображали чуть ли не афонским помещиком. Вот — плод многолетних трудов — дневных на постройках и по управлению, ночных на молитве: еще не так давно показывали в его келии, рядом с библиотекой, на мраморном полу следы коленопреклонений. Враги жаловались на него Иоанну Цимисхию, позже Василию. Но одолеть, свалить св. Афанасия было тогда так же трудно, как теперь срубить один из двух могучих кипарисов у Лаврского Собора, некогда посаженных преподобным. Афанасию пришлось ездить в Византию, принимать в Лавре присланного для разбора дела игумена — доказывать, убеждать и оправдываться. Он сделал все это и победил.

Образ св. Афанасия менее других иконописен. Так он и остался в истории. Хотя житие не раз подчеркивает его высокий аскетизм, сострадательность и милосердие, особенно настаивая на даре чудесных исцелений (он является как бы и верховным врачом своей Лавры, но врачом, действующим «прямо»), все же приходишь к убеждению, что сила и творчество, воля и действенность были основными чертами его гения, и, проявляя эти свойства, напрягая их до предела, он беззаветно выполнял возложенное на него высшее задание: создать образец монастыря и монастырской жизни на Афоне, дать ему устав, чекан и полное обличье. Он святой-деятель, а не святой-созерцатель.

Конец св. Афанасия тоже довольно необычен. Он сам предсказал свою смерть и завещал не смущаться ею. Восемьдесят лет от роду, 5-го июля 1000 г., он с другими строителями вззошел на новостроившийся купол храма — купол рухнул и погреб под собою стоявших на нем.

Смерть эта, разумеется, таинственна. Как будто в ней особенно подчеркнута связь строителя со строением, его глубокое внедрение в земное творчество, и некие узы, еще лежавшие на титане.

Но это лишь домыслы, может быть, и напрасные.

ПЕВЕЦ

Миловидный болгарский мальчик обладал удивительным голосом — прозрачным, сладостным. Иоанн был сирота, скромный и застенчивый. Попал в придворную капеллу Константинополя. По-гречески знал неважно. Когда сверстники спросили его раз, что он нынче ел, ответил:

— Куку и зеляя («кукиа» — бобы).

Дети над ним посмеялись и прозвали Кукузелем. Думали ли они, что «смешное» имя в великой славе перейдет в историю?

Иоанн очень скоро выделился среди певцов и стал солистом императора. Тот полюбил его, приблизил к себе. Хотел даже женить. Кажется, последнее намерение и решило судьбу певца: он и вообще был склонен к уединенной, созерцательной жизни. Блеск двора не привлекал его. Мысль о женитьбе просто поразила. Он бежал на Афон, и в Лавре св. Афанасия стал простым пастухом «козлиц» — скрыл от братии свою прежнюю жизнь. Никто не подозревал, что знаменитый певец ежедневно уходит в горы со своим стадом. Там, в одиночестве, он пел. По преданию, отшельник случайно его подслушал: Иоанн пел псалмы, столь «нежно и сладостно», что вокруг, как зачарованные, полукольцом стояли козы и козлы, потряхивая иногда бородачками.

В монастыре узнали о его таланте. Узнал и император, где скрывается певец. Но Иоанну суждено было остаться в Лавре: император разрешил не возвращаться в Византию.

Иоанн Кукузель пел тогда на клиросе. Более всего, видимо, воспевал Богородицу. Однажды, пропев Ей акафист, сел в стасидии и от утомления заснул. Во сне Пречистая явилась ему и, поблагодарив за пение, дала златницу.

— Пой и не переставай петь, — сказала Она. — Я за это не оставлю тебя.

Проснувшись, он увидел у себя в руке червонец — благодарность Приснодевы. Как идет скромному и робкому Кукузелю такой подарок! И как точно, ярко определена его судьба: «пой и не переставай петь».

Он и пел. Он так и пел, всю жизнь, от начала своего до конца, в сущности, житие ничего иного о нем и не общает.

В жаркий, голубой полдень Афона, я сидел на камнях, где некогда он пас свой стада. Пустыня, серомеловая гора Афон, сухие кустарники, лесок, сияющая бездна моря... Здесь прославлял он Бога, Приснодеву, свет, день, солнце. В его лице Церковь благословила поэта и певца, христианского Орфея, «музыканта Господня».

В Лавре благоговейно приложился я к коричнево-медвяному, в золотом венце, слегка благоухающему черепу святого.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

**В Сан-Франциско ещё вчера,
а в Тобольске уже завтра**

Продолжение. Начало № № 10-12, 2010 г., № 1-7, 2011 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И была деревня: «Барнаульский завод»

12

Если уж вам пришлось переезжать, надо было к нам — в столицу Сибири — духовную и административную. В славный град Тобольск, — сказал отец Василий.

— Сколько живу в нашем уезде, сердце постоянно там — в Тобольске. Даже во сне часто вижу себя среди его танцующих домов, мощённых деревом улиц, поленищ с грудями опилок, среди Божиих храмов. Но почему-то не могу уехать туда на постоянное жительство. Будто кто не пускает. А теперь уж знаю: до конца тут быть. Смирился. И Евдокия Еремевна не хочет покидать привычные и милые её сердцу места.

— Какие же они милые ей, столько неприятностей тут на неё свалилось?

— А она, между прочим, и не думает выбрасывать из жизни те пять лет болезни. Уверена, что это её несчастье и привело меня к Богу. Собственно, так оно и есть. Постоянно благодарит Господа за этот тернистый путь к нашему счастью. Говорит, несчастье для спасения нам подано было. Но вспоминать о годах болезни не любит, сразу переводит разговор на другое или уходит. Вот и теперь ушла. Знала, что разговор о её болезни неминуем.

— А куда же вы исчезли после неудавшейся попытки увезти Дуню из родительского дома? — спросил отец Василий.

— Когда я увозил Дуню, меня нагнал в роще её отец со своими людьми, прикрутили к дереву и вызвали квартального надзирателя. Вначале посадили на гауптвахту. Хотели судить. Грозил каторгой. Судья прямо так и сказал: «Не миновать тебе Нерчинска». Как будто в наших

рудниках слаще. Отец Евдокии Еремевны заступился. Заявил судьям, что зла на меня не держит. Попросил не доводить дело до суда, а послать из Барнаульского завода куда-нибудь подальше, хотя бы временно. Почему он стал хлопотать в мою пользу, понял позже. Преданный Богу человек не может поступить во зло. Однако предупредил, чтоб дочь его ничего обо мне не знала. Как раз в это время был готов обоз с серебром для отправки в Северную столицу. Меня и послали с ротой солдат охранять его. В пути выдержали нападение шайки ушкуйников, пытавшихся отбить повозки. Был ранен, но охрану не покинул и только в Петербурге вынужден был лечь в лазарет. Оттого пришлось больше чем на полгода задержаться. Всё это время душа об Евдокии Еремевны изнывала, чуяла беду. Не верила душа-то полному благополучию от моего предупреждения.

Я ведь, вопреки просьбе Еремея Савельича, написал ей письмо, в котором всё объяснил и высказал надежду, что когда-нибудь мы обязательно будем вместе. Послал письмо с надёжным нарочным. Но как потом выяснилось, письма она не получала. Отец ли её в том виноват или кто другой, мне неизвестно. Но мысленно я обвинял отца. Если бы она получила письмо, с ней не случилось бы страшной беды. У меня долго кипела на него по этому поводу злоба, хотя я сам был виноват в первую очередь. Но придя к Богу, понял главное: злопамятствуя на людей и даже на себя, мы теряем память о Боге, то есть себе и окружающим хуже. Осознание этого остудило кипевшую во мне желчь.

— Как вы отнеслись к тому, что случилось с Евдокией Еремевной?

— Свет белый стал не мил. Я только тогда по-настоящему понял, как она мне дорога. Почти ежедневно заходил в Петропавловский собор. Попрошу у Бога, чтоб помог выздоровлению моей суженой, поставлю свечку и ухажу. Таких людей, я знаю, называют входящими. Однако с каждым разом я задерживался в храме всё дольше и, наконец, начал выстаивать всю службу. Отец Евдокии Еремевны рядом молился и всё поглядывал на меня. Однажды подошёл и сказал: «Вот теперь бы я доверил вам свою дочь, но...» — «Будем молиться за неё» — ответил я. А что ещё я мог тогда сказать? В том, что случилось с Евдокией Еремевной, я всё больше винил себя. Отец её как-то сказал мне, что не я, а он самый главный виновник — плохо исполнял отцовские обязанности. А я так считаю: он отлично выполнял их. Воспитал замечательную дочь, за что я ему бесконечно благодарен.

— Неужели вы, живя в одной деревне, так ни разу не встретились?

— Я старательно выполнял просьбу её отца не встречаться. Неизвестно было, как моё появление повлияет на её тяжёлое состояние. Да и мне самому страшно было увидеть изменившийся облик её. Но как бы я не хотел избежать встречи, она произошла. Евдокия Еремевна не узнала меня. А я после встречи уже не мог думать ни о чём, только о ней. Слава Богу, всё позади.

— Здесь ей нравится?

— О! Здесь Евдокия Еремевна расцвела. В свободное время она, во славу Божию, обучает детей и взрослых грамоте, катехизису. В деревне её уважают. Успевает и в крестьянское хозяйство вникать. Трудолюбивая она у меня оказалась. Даже чрезмерно, что меня не может не смущать. Её родители тоже тут. И своих перевёз сюда из Тобольска. Теперь мы все в этой деревне. Мои родители и тут держат кузню. Отец Евдокии Еремевны по-прежнему возит руду на завод. Правда, с двухсот сорока его путь удлинился на семьдесят вёрст. Но он не прогадал. Отсюда везёт попутно на завод дрова — нажигать древесный уголь. Вот растут четверо богатырей, — кивнул он на возившихся в углу детей. — Малыши ещё, а очень толковые, смыслёные. И все мальчики. Это что, знамение!.. Я не нарадуюсь. В общем, будет кому передать наследство. А оно у меня немалое: пашни, скотные дворы с крупным рогатым скотом, кошары с овцами, конюшни с лошадьми, мельница, молококанка с маслобойкой... Для меня и Евдокии Еремевны будет большим счастьем,

если воспитаем из своих чад молитвенников за нашу Русь православную. Тем паче, если увижу среди них священников, монахов. А если нам Бог даст дочерей, то и, возможно, монахинь. Да и у меня самого есть дерзновенное желание — быть священником.

— Небось трудновато с непривычки крестьянствовать?

— Нечего Бога гневить — всё у нас удачливо. А что касаемо трудностей, то без них ничто нигде не бывает. В общем, живём, крестьянствуем, и никакой другой жизни я не хочу.

— Вот так Промыслом Божиим издалика вяжется цепочка жизни, — как бы начал подытоживать сказанное отец Василий. — Эта жизненная цепочка вся предстаёт перед глазами. И во всём, что переплелось в ней, ясно видится направляющая Десница Божия...

— Да, по прошествии лет всегда хорошо видно, как Бог вёл человека по жизни, — подтвердил Иаков Алексеич. — Не потому ли я теперь хорошо понимаю, что жизнь вне святости и веры православной — ад крошечный, усыпление греховное. Потому и тянет меня, отцы, во священство — служить в нашем храме, который мы сейчас строим. Как вы это дело разумеете?

— А как же с обширным вашим крестьянским хозяйством?

— Часть своих обязанностей передам старосте. Он у меня толковый, хозяйевует хорошо. Это он во главе плотников строит храм. Так что исполнению моего желания крестьянствование не помешает.

— Радостно слышать о таком вашем желании, — сказал отец Иоанн. — Храмов в деревнях строится всё больше, и священников не хватает тоже всё больше. Тобольская семинария пока единственная в Сибири. Не успевают за ростом количества церквей. Вот и вы скоро свою откроете. Поэтому ваше желание совпадает с нашим желанием.

— Имею также дерзновение — просить у вас помощи в обучении меня — как правильно вести службу, как разговаривать с людьми, как совершать требы... Я вроде запомнил службы, особенно Литургию. Но ведь надо делать всё чётко, без запинки, не ошибаться.

— Завтра приезжайте поутру в Петропавловский собор. Там и поговорим вместе с Иоанном Пеуновым, как нам лучше исполнить ваше желание.

...Незаметно подошёл вечер. Вернулась Дуня. Пришли её родители и родители Иакова Алексеича.

г. Тобольск
Гравюра XIX века

— Вот мы и в сборе все, — сказал Иаков Алексеич. — А у желанных для нас гостей появилось время рассказать о нашем благодетеле митрополите Тобольском и всея Сибири Иоанне (Максимовиче). Не откажите уж нам в такой просьбе. А то ведь мы в молитвах благодарим нашего спасителя, а сами о нём мало знаем.

— Брат Василий, ты из Тобольска недавно, полон духа этого города. Возьмись исполнить просьбу наших дорогих хозяев.

— Мне много раз приходилось проповедовать о святителе, так что вроде не составит особого труда ещё раз рассказать о нём, но вот беда: после каждого такого рассказа у меня остаётся впечатление, что я выпустил что-то главное, что составило бы цельное представление об этом Божием человеке. А почему? Да потому что я самого себя-то толком не знаю, а приходится браться за беспредельное. Поэтому уж не обессудьте, если я не смогу в полной мере удовлетворить ваших ожиданий. Для разгона позвольте начать с конца событий, а там как-нибудь выедем в нужную колену.

— Сделайте одолжение, батюшка, — сказал устраиваясь поудобнее на стуле Иаков Алексеич. Да, в его семье, действительно, мало знали о святителе. Жития его ещё не составили. Биографию по крупицам собирал как раз отец Василий.

— 10 июня 1715 года жители Тобольска были повергнуты в великую скорбь: неожиданно почил в Бозе глубокопочтимый Тобольскою паствою святитель Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири. — Видите: у меня уже сложился определённый слог, и я твержу привычно, как «Отче наш...» И отступить от него уже не в силах. — Итак, накануне этого дня он торжественно отслужил Литургию. После чего устроил в своих покоях трапезу для городского духовенства и нищих. Он ведь постоянно приглашал нищих на свои трапезы. Но эта трапеза была особенно многолюдна. Нищим прислуживал он сам и успевал во время трапезы беседовать с гостями. Как всегда, беседа его была полна отеческой любви и назидания, но в этот раз он говорил о близости своей кончины, однако говорил не прямо, а как-то прикровенно. В словах его была таинственность, которую он, наверное, не мог или не хотел раскрывать. С этим чувством причастности к чему-то печально-таинственному и выходили гости после трапезы из-за столов, по очереди вставали к нему под благословение. Он благословлял так трогательно и по-отчески, прося каждого молиться за него, что все

почувствовали — прощается с ними пастырь навсегда, но вслух никто не посмел этого высказать.

Двух более любимых им священников удержал на некоторое время и беседовал. О чем говорил с ними святитель, это известно одному Богу. Отпустив их, владыка удалился во внутренние свои комнаты и там затворился.

Тут надо немного определиться. Некоторые говорят, что он почил утром, другие вечером. Я думаю, что вероятнее это произошло во второй половине дня. Иначе бы зачем ему надо было прощаться на трапезе после Литургии? К тому же, было бы известно о его служении вечером.

Итак, настал час вечернего богослужения. По обычаю монах подошёл к двери испросить благословения для его начала. Ответа не последовало. Стучали, звали владыку и служащие архиерейского дома, но дверь не открывалась, и голоса владыки не было. Не слыша положенного благовеста к вечерне, пришли к его покоям священники. Весть о необычном прощании святителя с духовенством и нищими быстро облетела город. Обеспокоенные жители собрались в большом количестве в ограде архиерейского дома. Послали за Сибирским генерал-губернатором князем Гагариным. Но и на его стук ответа не последовало. Тогда Гагарин перекрестился и приказал выламывать дверь.

Необычайное зрелище представилось взорам вошедших во внутренние келии владыки. Предавший душу Богу святитель Иоанн стоял на коленях перед иконой Божией Матери в молитвенной позе. Весть о его кончине, причём необычной, быстро облетела Тобольск и его окрестности. Толпы людей, запрудившие территорию кремля, не расходились и ночью. Но погребение почившего святителя затягивалось. Надо было разыскать в диких степях митрополита Филофея (в схиме Феодор). Месяц назад он с миссионерами отправился на реку Конду для проповеди учения Христа диким племенам вогулам. Но митрополит Филофей сам провидел духом кончину святителя Иоанна. В минуту его смерти он сказал своим спутникам: «Брат наш Иоанн только что успе, прейдём отсюда». И тотчас же все собрались в обратный путь, в Тобольск.

Пока митрополит Филофей добирался из далёкого Кондинского края, прошло несколько дней, а тело святителя Иоанна, несмотря на знойное лето, оставалось нетленным. По прибытии митрополита Филофея состоялся чин погребения. Упокоился святитель Иоанн в придельном храме Софийско-Успенского собора.

Продолжение следует

СВЕЧА

Письмо другу на Афон

Как тебе молится, как тебе плачется,
Друг мой старинный, мой преданный друг?
Имя твоё в списках мира не значится,
Ты уже вышел за суетный круг.

Ты уже выше, чем кедры ливанские,
Выше, чем мачты морских кораблей.
Лёг ты, как семя на пашни крестьянские,
Дабы цвести среди небесных полей.

Не забывай обо мне, погибающем
В топкой трясине, в пучине скорбей,
Друге твоём, окаянно блуждающем
В городе мёртвых, в театре теней.

Как тебе верится, что тебе видится,
Будет ли в небе свинцовом просвет?
Или безумно в пучину низринется
Род человеческий? Дашь ли ответ?...

Вот и посланье твоё долгожданное.
Лист разверну. Что же пишет мой друг?
Слёзы твои оросили послание,
Слёзы сложились в слова вместо букв.

Как тебе молится, как тебе плачется,
Мой сотаинник, мой искренний брат?
Солнце за скалы афонские прячется.
Ночь. Но по кельям монахи не спят.

Сладко им молится, горько им плачется.
Ярко лучина во мраке горит.
Друг мой сердечный, весна не кончается
Даже зимой, если сердце не спит.

Инок Всеволод, 1999 г.

Дмитрий Белюкин
Панорама Афона с вершины Святой горы, 1999 г.

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 07.09.11. Выход по графику 26.07.11

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.